

ТИПЫ СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ МЕСТНОСТЕЙ ПОЛЬШИ, ВЕНГРИИ, РУМЫНИИ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

А.М. Ершов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, магистр; e-mail: AlexiusErshov@ya.ru

Если пространственное разнообразие есть во многом
предпосылка экономического развития,
а неравномерность – его спутник, то глубокое
неравенство – тормоз, который с каждым новым
витком исторической спирали
обостряет отношения полярных районов.
А.И. Трейвиш

На примере четырех постсоциалистических стран Восточной Европы (Польша, Венгрия, Румыния и Россия) проводится сравнительный анализ относительного положения разных типов местности и их динамики за десятилетний период с 2010 по 2020 г. Автор разрабатывает методические представления об использовании индивидуальной типологии при создании социально-экономического профиля территории в целях выявления пространственной неравномерности исследуемых стран по социально-демографическим, экономическим и инфраструктурным показателям. По результатам анализа делаются выводы о доминирующих тенденциях социально-экономической дифференциации между сельскими, городскими и переходными типами местности в изучаемых государствах. Выявлена необязательность внутрирегиональной пространственной конвергенции как характерного следствия социально-экономического развития страны. Сопутствующие постсоциалистическому переходу трансформационные процессы привели к формированию разных моделей социально-экономической дифференциации пространства в зависимости от особенностей системы расселения в каждой стране: условно равномерному развитию в Польше, зональному развитию в Венгрии и дифференцированному развитию в Румынии и Европейской России. Автором выдвигается концепция об основных стадиях и направлениях социально-экономической дифференциации пространства, позволяющая систематизировать статистически полученные выводы.

Ключевые слова: социально-экономическая дифференциация, сельско-городской континуум, пространственная неравномерность, сельская местность, постсоциалистический период, Восточная Европа

DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.78.1.10

ВВЕДЕНИЕ

Развитие пространства, связанное с его экономическим освоением человеческим социумом, эссенциально приводит к процессу его внутренней дифференциации. Фактически дифференциация является стороной процесса развития, связанной с делением трансформирующегося в ходе развития целого на части, иерархические уровни. Рассматривая процесс дифференциации в социально-экономической плоскости, мы полагаем социально-экономическую дифференциацию как «структурное разделение социально-экономической пространственной системы, сформированное сравнительным различием отдельных подсистем по определенному показателю, группе признаков под влиянием факторов различной природы, оказывающее влияние на дальнейшую трансформацию системы» [Лапин, 2017, с. 111]. Отражением протекания данного процесса

в пространстве является изменение социально-экономического положения территории, выражающего состояние социальной, демографической, экономической и других сфер жизни условного района в текущий момент.

В данной работе проводится сравнительный анализ социально-экономической дифференциации территорий стран Восточной Европы: Европейской России, а также Польши, Венгрии и Румынии как наиболее природно и климатически близких государств со схожими с российскими трансформационными процессами в сельской местности. Выбор трех данных зарубежных стран для сравнительного исследования объясняется наличием социально-экономической статистики по ряду показателей за длительный временной промежуток на муниципальном или окружном уровне. В силу отсутствия в открытом доступе муниципальной статистики и

плохого качества данных по областям из объектов исследования была исключена Болгария. Высокая доля горных и возвышенных территорий в Чехии и Словакии оставили данные страны вне итоговой выборки исследуемых стран в силу большого влияния азонального фактора в виде гористости территории.

Общими чертами постсоциалистического переходного периода в странах Восточной Европы стали переход к рыночной экономике, деаграризация и деиндустриализация народного хозяйства с массовым сокращением рабочих мест, реструктуризация торговых связей со странами мира, обесценивание накоплений населения и сопутствующий рост социально-экономического неравенства с формированием обширных пространств депрессивных малопродуктивных сельскохозяйственных регионов. Однако пространственные паттерны дифференциации между странами, несмотря на общие макроусловия, отличаются.

Большая часть исследований, посвященных теме пространственной неравномерности и социально-экономической дифференциации сельской местности России, базируются на рассмотрении процессов в региональном разрезе. Нарастание центр-периферийных внутрирегиональных диспропорций, а также формирование обширных депрессивных территорий стали основой исследовательских работ регионалистов, экономистов, географов, демографов и социологов в постсоветский период. Региональные особенности дифференциации экономико-демографического развития, а также межрегиональная пространственная неравномерность сельских территорий анализировались в целом ряде работ Нефедовой, Трейвиша, Алексеева, Зубаревич, Заславской, Пациорковского и ряда других отечественных исследователей [Алексеев, Зубаревич, 2000; Махрова и др., 2016; Трейвиш, 2019]. Зарубежные исследователи проводили аналогичные работы в своих странах: Ежи Бански и Павел Чурски изучали пространственную дифференциацию развития Польши [Banski, 2019; Churski, 2021], Ласло Кульчар и Янош Пенжес исследовали периферийные территории Венгрии [Kulcsar, Bradatan, 2014; Penzes, 2013], Анка Дачин и Иоан Ианос искали способы оценить пространственную неравномерность социально-экономического развития округов в Румынии [Dachin, 2008; Ianos et al., 2013].

Ограниченная в сравнении со странами Восточной Европы ЕС, отечественная статистическая база является главной причиной отсутствия большого количества работ по исследованию внутрирегиональных различий, отражающих наиболее релевантную картину происходящих социально-экономических процессов. В силу необходимости проведения детального сравнительного анализа

процессов в нашей стране и за рубежом, а также накопления достаточного уровня данных на муниципальном уровне для проведения временного анализа было принято решение использовать данные на уровне муниципалитетов, а не агрегированные региональные данные, дающие ограниченное пространственное представление о социально-экономических трансформациях.

Данная статья посвящена исследованию состояния и динамики социально-экономической неравномерности пространства постсоциалистических стран на наиболее низшем статистически доступном административно-территориальном уровне.

Объектом исследования в этой работе являются типы местности стран Восточной Европы (Польша, Венгрия, Румыния, Россия), объективно существующие в рамках село-городского континуума. В результате перехода от государственного социализма к капитализму, возвращению к «естественным осям» развития сравниваемые страны пережили масштабный социальный и экономический кризис, который привел к снижению уровня жизни, особенно на сельской периферии (новая периферия) и в старых индустриальных регионах (деградирующие бывшие региональные центры), а также усилению поляризации между регионами и социальными группами. Регионы данных стран вступили в эпоху «пространственного дарвинизма», когда развитие и экономический рост происходили в наиболее конкурентных регионах и городах [Leibert, 2013].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проведения сравнительного анализа относительного социально-экономического положения и динамики территорий Польши, Венгрии, Румынии и европейской части России были использованы базы данных социально-экономических показателей за 2010 и 2020 гг. В качестве базовых статистических единиц для исследуемых стран используются муниципальные территориальные образования: для стран ЕС – административно-территориальные единицы уровня NUTS-3 и LAU, для Российской Федерации – муниципальные образования первого уровня (муниципальные районы, муниципальные и городские округа). Выбор низшего статистически обеспеченного уровня административно-территориального деления для проведения статистического исследования пространственной дифференциации объясняется необходимостью получить детальную, статистически несглаженную картину трансформации положения сельских и городских территорий.

В качестве статистических материалов выступают данные переписей населения, ежегодные статистические сборники с социально-экономическими показателями по муниципальным образова-

ниям, базы данных территориальной статистики. База локальных данных Польского Центрального статистического офиса (GUS BDL) предоставляет целостную информацию на уровне муниципалитетов с 2001 г. [База локальных..., 2022], База Венгерского Центрального статистического офиса (TIMEA) с 2011 г. [База Венгерского..., 2022], а российская База данных показателей муниципальных образований (БДМО) с 2010 г. [База данных показателей..., 2022]. База территориальной статистики Румынского Центрального статистического офиса (TEMPO online) предоставляет данные с 1990 г. [База территориальной..., 2022], однако в открытом доступе данные по низовым административно-территориальным единицам отсутствуют, и возможно использование большинства показателей лишь на окружном уровне.

Ограниченность и несоответствие временных рядов статистических показателей по разным странам лимитируют возможность проведения долгосрочного сравнительного анализа. Тем не менее общий (условно) десятилетний период (2010–2020) сбора открытой статистики на муниципальном уровне позволяет провести рассмотрение простран-

ственной неравномерности социально-экономического развития сельско-городских территорий на муниципальном уровне.

Социально-экономические показатели, используемые для анализа пространственной неравномерности развития сельско-городской местности указанных стран, можно разделить на несколько групп: социально-демографические показатели, экономические, инфраструктурные. В итоговый перечень попали наиболее базовые показатели, имеющиеся в открытом доступе для всех стран или, в отдельных случаях, хотя бы для трех из четырех стран.

Использование показателей, отражающих ситуацию в разных сферах жизни населения, позволяет получить более полную картину социально-экономического разрыва между сельскими и городскими территориями, а также выявить гетерогенность явлений в пространстве и влияние существующего пространственного градиента на темпы и направления трансформации отдельных типов сельской местности. Перечень общих социально-экономических показателей для всех стран, позволяющих проводить сравнительный анализ, представлен в табл. 1.

Таблица 1

Анализируемые социально-экономические показатели

Социально-демографические	Экономические	Инфраструктурные
Естественный прирост населения	Уровень безработицы	Ввод зданий на душу населения
Плотность населения	Зарплата на душу населения	Уровень автомобилизации
Миграция на душу населения	Демнагрузка на работающих	Плотность дорожной сети
Браки на душу населения		
Доля пожилых лиц		

Примечание. Составлено автором.

Основным аналитическим инструментом данного исследования стал метод социально-экономических профилей. Для каждой страны за исследуемые временные реперные точки на базе созданной исследовательской типологии были построены графики изменения значений агрегированных нормированных социально-экономических показателей по типам территорий в рамках сельско-городского континуума. Значения агрегированного показателя считались путем получения среднего из линейно масштабированных значений по каждому анализируемому показателю для каждого типа местности. Данный тривиальный способ агрегирования выбран в целях упрощения интерпретации полученных результатов:

$$a^i = \text{ср. знач.}^i \left(\sum_{i=1}^n \frac{x_i - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}} \right),$$

где j – тип местности, а i – муниципальное образование.

Изменение социально-экономического профиля на временном периоде позволяет понять направления социально-экономической трансформации территорий исследуемых стран, а также оценить пространственную дифференциацию между сельскими и городскими территориями, выраженную в развитии пригородных зон, а также периферизации удаленных от ядер районов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

После серьезного экономического и политического коллапса конца 1980 – начала 1990-х гг. страны Восточной Европы начали сближаться с Западной Европой во многих точках зрения. Бывшие члены

Восточного блока добились сравнительного приближения значений валового внутреннего продукта на душу населения к значениям наиболее развитых европейских стран [Banski, 2019]. Однако конвергенция на национальном уровне привела к дивергенции на субнациональном, региональном уровне. Столичные регионы, а также их пригородные зоны развивались намного быстрее, чем остальные территории [Kulcsar, Bradatjan, 2014; Wojewodzka-Wiewiorska, Dudek, 2016]. С точки зрения роста национального продукта в городских районах темпы роста были примерно в полтора раза выше, чем в периферийной сельской местности [Leibert, 2013]. В связи с постиндустриализацией экономики регионы, в которых третичный сектор стал основным драйвером роста, находились в выгодном положении перед районами с крупным вторичным и первичным секторами.

Типологизация территорий. Выявление пространственных паттернов социально-экономической дифференциации требует предварительной

разбивки территории страны на городские, сельские и переходные типы местности. С целью получения единой сравнительной базы путем учета центр-периферийных, а также сельско-городских различий была проведена типологизация исследуемых административно-территориальных единиц стран. При создании исследовательской типологии для стран-объектов исследования использовались базовые, общие характеристики сельских и городских территорий. Для определения положения в центр-периферийной системе использовались данные о транспортной удаленности статистической единицы от крупного городского центра. Интервальное деление по дистанции от центра определяется в зависимости от среднего размера и количества исследуемых административно-территориальных единиц страны. Уровень урбанизированности и плотность населения позволили уточнить положение муниципального образования в системе «село – город». Выделенные типы по каждой стране представлены на рис. 1.

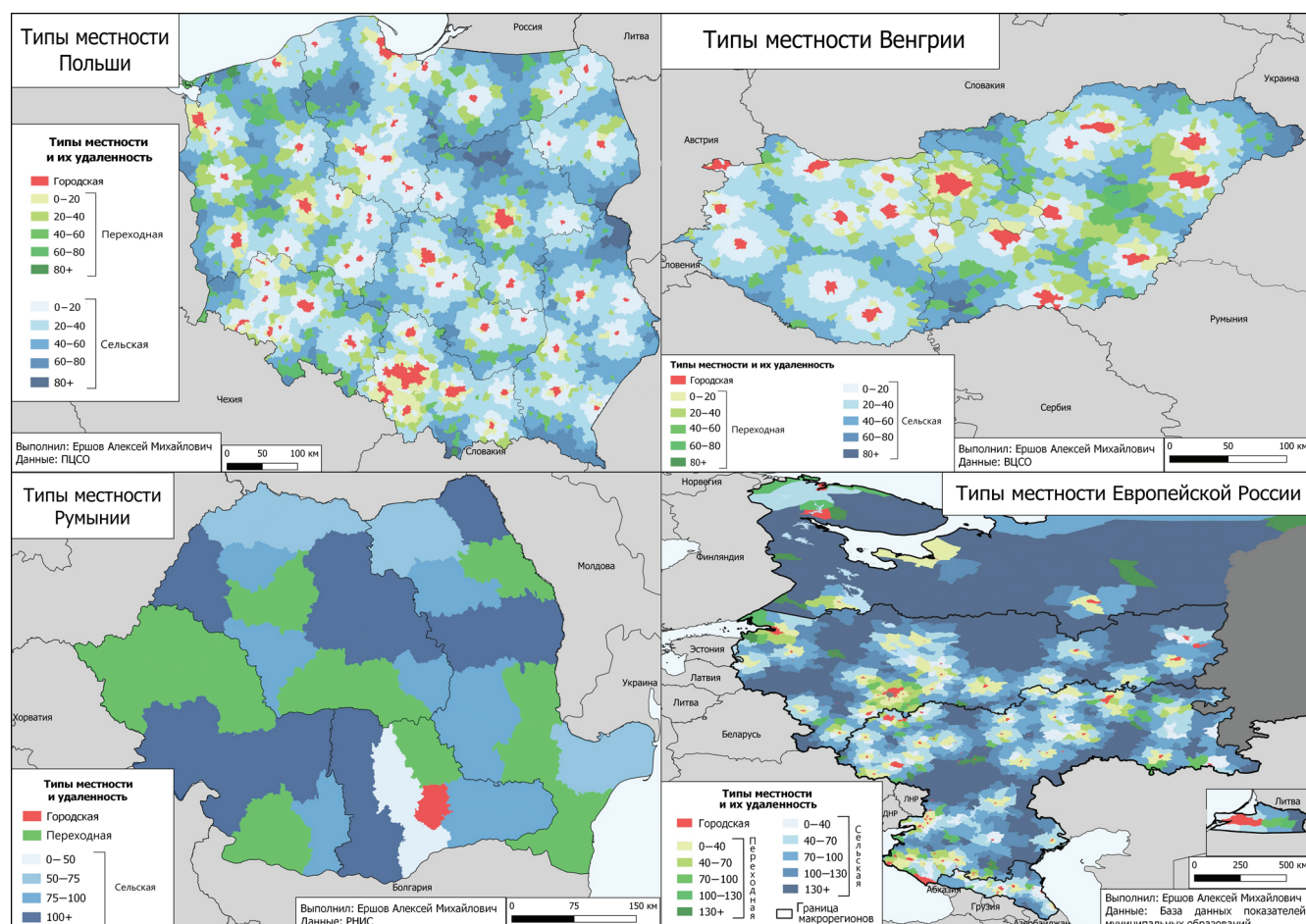

Рис. 1. Типы местности в Польше, Венгрии, Румынии и Европейской России. Источник: составлено автором

Fig. 1. Types of territories in Poland, Hungary, Romania and European Russia. Source: compiled by the author

В силу значительных различий в площади стран, а также в площади муниципальных образований, в исследуемых странах в целях приведения выделенных типов к единому сравнимому виду была проведена классификация количественных значений расстояния от центра на пять функционально разных типов местности: городской, пригородный (до 40 км, полчаса езды), рурбан (вплоть до 60–70 км, часовая доступность), сельский и периферийный (от 80–100 км, свыше полутора часов езды).

Стоит отметить, что российские статистические единицы в силу их сравнительно большей площади, а также отсутствия четкого разделения сельских, переходных и городских территорий имеют более низкий потенциал отражения социально-экономических различий между селом и городом, чем муниципальная статистика стран ЕС. Российская статистика позволяет лишь в общих чертах учитывать сельско-городскую структуру населения. Более территориально агрегированные данные по Румынии также показывают более сглаженную дифференциацию на окружном уровне, чем на муниципальном.

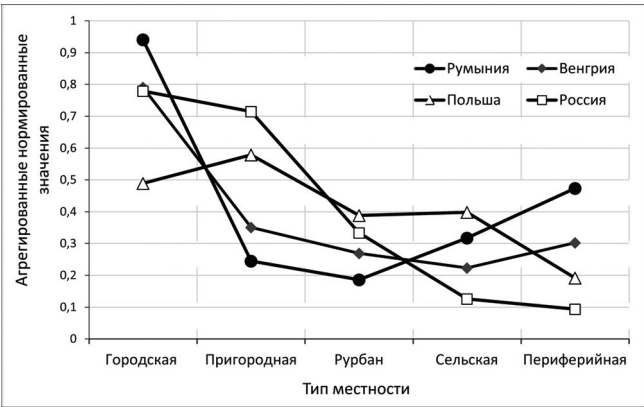

Рис. 2. Социально-экономические профили стран Восточной Европы за 2010 г.
Источник: составлено автором

Fig. 2. Socio-economic profiles of Eastern European countries in 2010. Source: compiled by the author

Социально-экономические профили. Сравнение относительного положения разных типов местности по странам и их динамики за десятилетний период позволяет сделать выводы о процессах социально-экономической дифференциации пространства и существующих разрывах между относительными лидирующими и отстающими типами территорий по исследуемым показателям. Полученные обобщенные социально-экономические профили за общий для исследуемых стран временной промежуток с 2010 по 2020 г. представлены на рис. 2 и 3.

С целью приведения данных в визуально и интуитивно более понятный вид была составлена табл. 2, отражающая доминирование относительного положения разных типов местности среди стран, а также динамику относительного социально-экономического положения типов местности за 2010–2020 гг. Это позволяет оценить, как отличается социально-экономическая дифференциация типов местности по странам, и как по странам социально-экономически выражен тот или иной тип местности.

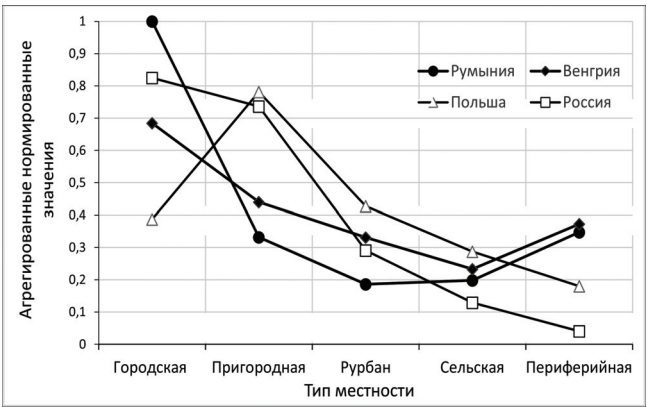

Рис. 3. Социально-экономические профили стран Восточной Европы за 2020 г.
Источник: составлено автором

Fig. 3. Socio-economic profiles of Eastern European countries in 2020. Source: compiled by the author

Таблица 2

Относительное положение и десятилетняя динамика разных типов местности стран Восточной Европы на 2020 г.

Относительное положение и динамика к 2020 г.	Городская		Пригородная		Рурбан		Сельская		Периферийная	
1	Румыния	↗	Польша	↗	Польша	↗	Польша	↘	Венгрия	↗
2	Россия	↗	Россия	↗	Венгрия	↗	Венгрия	~	Румыния	↘
3	Венгрия	↘	Венгрия	↗	Россия	↘	Румыния	↘	Польша	~
4	Польша	↘	Румыния	↗	Румыния	~	Россия	~	Россия	↘

Примечание. Составлено автором.

В целом городской тип местности наиболее выделяется по социально-экономическим показателям в Румынии и России, в которых к тому же данный тип стал еще более дифференцированным от других типов местности. Для Румынии свойствен значительный социально-экономический разрыв между городскими территориями и другими типами местности, который к 2020 г. стал абсолютным: городские территории по всем социально-экономическим показателям являются лидерами. Градиент между центром и периферией в стране становится все больше, и особых предпосылок для смены тенденции нет. Отстающие округа отстают еще сильнее, а городские агломерации во главе с Бухарестом продолжают развиваться. В Венгрии и Польше на фоне развития субурбанизационных процессов городские территории утрачивают свое относительное социально-экономическое положение, причем в Польше они окончательно уступили лидерство социально и экономически более благоприятной пригородной зоне.

Пригородная зона в динамике становится все более предпочтительным типом местности, показав рост относительного положения во всех странах. Наиболее высокое положение пригородной зоны в Польше и России. В Польше она окончательно сформировалась как отдельный многофункциональный тип местности, сочетающий сельские и городские черты. В стране произошло становление пригородных зон как новых омоложенных социально-экономических центров при снижающихся по социально-экономическим условиям городских ядрах. Окрестности Варшавы, Гданьска, Вроцлава, Кракова, Познани, Лодзя и других крупных городских центров являются наиболее привлекательными территориями для мигрантов и для развития новых отраслей экономики [Churski et al., 2021; Lupinski, 2014]. В России в силу более редкой сети населенных пунктов и меньшей плотности населения пригородная зона является фактически одной из немногих экономически эффективных форм существования и развития сельской местности. Наиболее благоприятной сельской территорией пригородную зону делают близость к городскому рынку высокооплачиваемого труда, городским медицинским, культурно-развлекательным и образовательным услугам, сниженные издержки производства благодаря высокой транспортной доступности рынков сбыта и иные агломерационные эффекты, а также прочие спилловер-эффекты от инновационной городской экономики. В Венгрии и Румынии развитие пригородной зоны происходит преимущественно вокруг столичных агломераций в силу преимущественно моноцентрической структуры расселения стран. Однако в Венгрии за последнее десятилетие стал более выражен процесс развития пригородных

зон вокруг недепрессивных региональных центров, расположенных на основных транспортных магистралях страны.

Рурбан, или сельско-городская зона, занимает промежуточное положение между центральными городскими и периферийными сельскими районами и способна в силу относительно высокой транспортной доступности экономических ядер получать дивиденды от более тесных контактов с городскими территориями. За последнее десятилетие данная зона немного сократила относительный разрыв от лидирующих более городских местностей Венгрии и Польши, фактически получая пока ограниченные выгоды от субурбанизационных процессов. В Румынии и России рурбан-территории не становятся более привлекательными в силу ограниченности экономических ресурсов у государств на поддержку обширных по площади территорий данного типа, меньшей связанности социально-экономического пространства, а также менее привлекательной экономической сферы рурбан-пространств по сравнению с городскими ядрами [Janos et al., 2013].

Типичные сельские территории находятся в стагнации или относительном спаде во всех странах в силу исчерпания демографического потенциала, постаревшей структуры населения, преимущественно аграрной недиверсифицированной экономики, что делает данные территории непривлекательными при доминирующей сейчас экономической парадигме пространственного развития. Относительно благоприятное социально-экономическое положение имеют сельская местность Польши и Венгрии, однако за последнее десятилетие конвергенция сельских и городских регионов на фоне субурбанизационных процессов была ограниченной. В Венгрии слабо развитые аграрные Южно-Задунайский край и Альфельд отстают от Будапештской агломерации, нового растущего экономического ядра на северо-западе, а также крупных региональных центров [Leibert, 2013]. В Польше на фоне относительного снижения положения городских ядер сельские муниципалитеты несколько уменьшили градиент с городскими и переходными муниципалитетами. Однако сельско-городские, переходные муниципалитеты компенсировали данный рост для сельских территорий усилением миграционного оттока из них при общем старении жителей, что способствовало увеличению доли неработающих по муниципалитетам и суммарно относительно ухудшило положение сельского типа местности.

Румынская сельская местность в силу деградации социальной сферы ввиду завершения демографического перехода и оттока работоспособного населения, а также кризиса экономической сферы из-за экономической неэффективности частного

малоземельного сельского хозяйства увеличила отставание от более инновационной и экономически привлекательной Бухарестской агломерации. В стране произошла концентрация депрессивных зон в отдельных районах, в которых не сформировалось новых отраслей экономики взамен сельскому хозяйству. Особенно это касается двух главных агрорегионов Румынии: Западной равнины и Центральной Румынской равнины [Dachin, 2008]. В России среднее, относительно устойчивое положение сельской местности обеспечивается за счет южных черноземных регионов страны, характеризующихся благоприятными агроклиматическими условиями, более высокой плотностью сельской сети населенных пунктов и их крупноселенностью [Нефедова, 2012]. Данные сельские территории уравнивают негативные тенденции в сельских муниципалитетах Нечерноземья и севера Европейской России [Трейвиш, 2010; Трейвиш, 2019].

Периферийные территории усилили отставание по большинству социально-экономических показателей во всех странах, однако повышенная рождаемость и пониженная смертность в глубинных районах Венгрии позволяют сгладить положение данного типа местности в этой стране [Penzes, 2013]. Стоит отметить, что демографического потенциала надолго не хватит, и венгерскую периферию ждет судьба румынской, которая за последнее десятилетие значительно потеряла в своей социально-экономической привлекательности. Российская и польская периферии являются наиболее депрессивными территориями в этих странах с точки зрения демографических, социальных, экономических и инфраструктурных показателей. Наиболее периферийные сельские районы пострадали сильнее всего в силу повышенных издержек на реализацию продукции и пониженных экономических связей с ядрами страны. Глубоко периферийные территории Европейской России, исчерпавшие демографический потенциал, деградируют из-за повышенных удельных расходов на содержание инфраструктуры, на обеспечение населения базовыми потребностями, а также из-за отсутствия высокооплачиваемых центров приложения труда – сжатие хозяйственно освоенного пространства фактически приводит к формированию условно «пустой местности», инвариантно отстающей от других территорий.

Теоретические представления. С целью систематизировать выводы об основных паттернах и направлениях социально-экономической дифференциации пространства в центр-периферийной системе, полученные в ходе сравнительного анализа, была составлена схема, обобщающая основные стадии и варианты социально-экономической дифференциации пространства (рис. 4). Основная идея в

предложенной концепции состоит в том, что после первоначального роста условного центра по социально-экономическому показателю и следующей за ним диффузией инноваций, приводящей к выравниванию социально-экономического профиля территории, наступает стадия, когда эндогенный потенциал территории и экзогенные факторы определяют баланс между выравнивающими и дифференцирующими социально-экономическое состояние силами. Это фаза дифференциации социально-экономического пространства, когда определяется способность пространственной системы способствовать энтропии и обеспечить относительно небольшие значения градиента между центральными и периферийными территориями. Разное сочетание дифференцирующих и выравнивающих сил приводит к трем основным формам развития пространства:

- равномерному развитию, характеризующемуся небольшой неравномерностью социально-экономических условий;

- зональному развитию, при котором внутри формируется несколько гомогенных зон, имеющих выраженные социально-экономические разрывы между собой;

- дифференцированному развитию, при котором пространство делится на две сильно различные типологически территории.

В случае равномерного развития формируется центр-периферийный/сельско-городской континуум, который способствует комплексному развитию и освоению пространства. Это в общих чертах случай плотно населенной субурбанизирующейся Польши, в которой относительно невысокая неравномерность социально-экономического пространства способствует активизации экономического роста на большей части территории, а также уменьшению темпов деградации периферийных территорий и сжатия хозяйственно освоенного пространства [Wojewodzka-Wiewiorska, Dudek, 2016].

Зональное развитие подразумевает дробление пространства на несколько территориальных подсистем, что во многом соотносится с иерархическими уровнями административно-территориального деления. Повышенная социально-экономическая дифференциация пространства приводит к замедлению экономического роста в силу меньшей привлекательности периферийных и переходных зон в сравнении с городскими, что приводит к преимущественной концентрации экономического потенциала пространства в городах и не способствует комплексному развитию всей территории. Это больше случай Венгрии с ее Будапештской агломерацией, региональными центрами и их пригородными зонами, а также типичной сельской местностью Великой Венгерской равнины и Задунайского края.

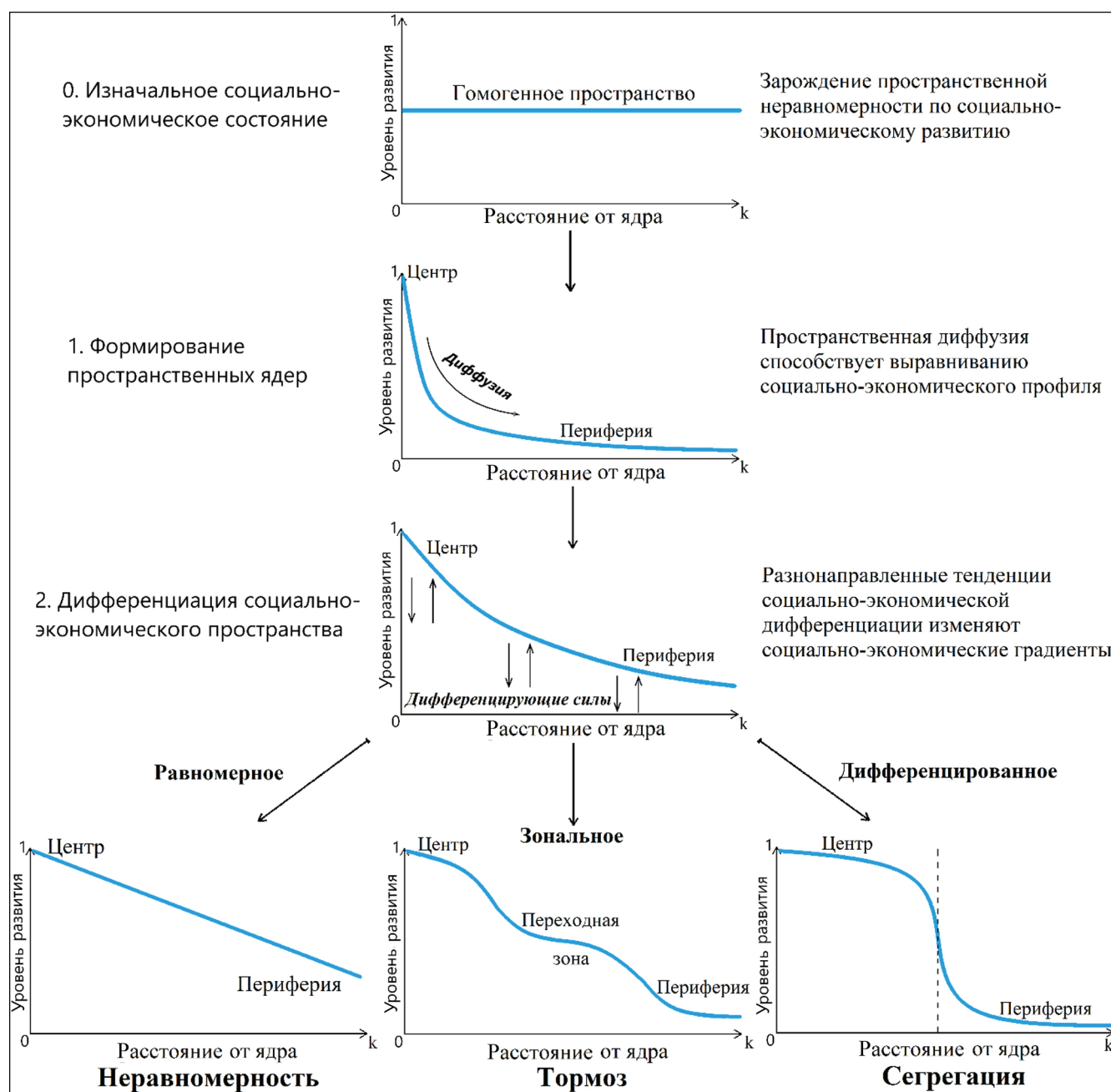

Рис. 4. Основные стадии и направления социально-экономической дифференциации пространства.

Источник: составлено автором

Fig. 4. The main stages and directions of socio-economic differentiation of territories. Source: compiled by the author

Дифференцированное развитие связано с формирующейся пространственной сегрегацией центральных мест от периферийных, а также дальнейшим усилением этого разрыва. Фактически этот паттерн развития является пространственным отражением «порочного круга упадка», когда отстающие становятся все более депрессивными. Высокая социально-экономическая дифференциация становится тормозом для развития экономики и поддержания хозяйственного освоения обширных пространств. Это ситуация, которая формируется в России и Румынии. Развитие пригородной зоны

при таком сценарии является фактически единственным способом модернизации депрессивной сельской местности, однако долгосрочные перспективы эффективности такой пространственной формы развития представляются сомнительными. Тем не менее в России, в отличие от Румынии, в условиях разреженной системы расселения сформирована относительно социально и экономически благоприятная пригородная зона, что позволяет отчасти компенсировать сжатие типичной сельской местности и замещение ее условно «пустой местностью».

ВЫВОДЫ

Прохождение переходного периода в четырех странах Восточной Европы происходило по-разному. Если Польше удалось перейти к рыночной экономике без серьезных социальных и экономических потрясений, то в Венгрии и особенно Румынии и России переход от социализма оказался крайне тяжелым для перспектив поддержания хозяйственного освоения сельских пространств. Следствием этого стало формирование разных моделей социально-экономической дифференциации пространства в зависимости от особенностей системы расселения в каждой стране.

В Польше можно говорить о развитости классического сельско-городского континуума. Социально-демографическая дифференциация пространства в Польше привела к бурному развитию пригородных зон в рамках классического субурбанизационного процесса.

Сельская местность Венгрии является хинтерландом для городских и пригородных зон. Пригородные зоны так же, как и в Польше, получили значительное развитие, однако положение городов как лидеров с точки зрения социально-экономических условий пока остается нетронутым.

Румынские крупнейшие города, в особенности Бухарест, являются очагами относительного соци-

ально-экономического благополучия над периферийными регионами, депопулирующими в связи с их искаженной возрастной структурой, отражающей миграционные процессы прошлого. Пригородные зоны получили ограниченное развитие при абсолютном лидерстве городских центров.

Пространственным отражением социально-экономической дифференциации в России является усиление разрыва между городскими и пригородными территориями и остальными обширными пространствами. Влияние больших городов в условиях разряженного расселения на окружающую сельскую территорию усиливается. Российские сельские территории, за исключением пригородных зон, имеют крайне ограниченный потенциал для сокращения социально-экономического разрыва с городскими центрами.

Таким образом, основным выводом данной работы можно считать тезис о том, что внутрирегиональная пространственная конвергенция не является обязательным следствием социально-экономического развития территории. Наоборот, в зависимости от особенностей системы расселения и плотности населения возможно формирование пространственных форм территориального развития, способствующих нарастанию социально-экономической дифференциации.

Благодарности. Сбор материалов, выработка методики и написание статьи выполнены при финансовой поддержке гранта РНФ «Трансформация различных типов сельской местности России под влиянием внутренних и внешних факторов в современных социально-экономических и демографических условиях» № 21-17-00112.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 138–146.
- Зотова М.В., Колосов В.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б., Карпенко М.С. Территориальные градиенты социально-экономического развития российского пограничья // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 5. С. 7–21.
- Латин А.В. Теоретико-методологические подходы к проблеме социально-экономической дифференциации территорий // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 6. С. 109–124.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация пространства центрально-российского мегалополиса и мобильность населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2016. № 5. С. 77–85.
- Нефедова Т.Г. Сжатие и поляризация сельского пространства России // Демоскоп Weekly. 2012. № 507–508. С. 16–29.
- Трейвиш А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 1–28.
- Трейвиш А.И. «Сжатие» пространства: трактовка модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. 2010. С. 16–31.
- Banski J. Spatial differences in the transformation processes taking place in rural areas of East-Central Europe, *Three Decades of Transformation in the East-Central European Countryside*, 2019, p. 3–19.
- Churski P., Herodowicz T., Konecka-Szydłowska B., Perdal R. Differentiation of the Socio-Economic Development of Poland – “Invisible” Historical Heritage, *Land*, 2021, vol. 10, no. 11, p. 12–47.
- Dachin A. Rural development-a basic condition for narrowing regional disparities in Romania, *Romanian Journal of Regional Science*, 2008, vol. 2, no. 2, p. 106–117.
- Ianos I., Petrișor A.-I., Zamfir D., Cercleux A.-L., Stoica I.-V., Talanga C. In search of a relevant index measuring territorial disparities in a transition country. Romania as a case study, *Die Erde-Journal of the Geographical Society of Berlin*, 2013, vol. 144, no. 1, p. 69–81.
- Kulcsar L.J., Bradatan C. The greying periphery – Ageing and community development in rural Romania and

- Bulgaria, *Europe – Asia Studies*, 2014, vol. 66, no. 5, p. 794–810.
- Leibert T. The peripheralization of rural areas in post-socialist Central Europe: A case of fragmenting development? Lessons from rural Hungary, *Peripheralization*, 2013, p. 101–120.
- Lupinski W. Suburbanisation in Poland, *Geogr. Inf.*, 2014, vol. 18, p. 104–113.
- Penzes J. The dimensions of peripheral areas and their restructuring in Central Europe, *Hungarian geographical bulletin*, 2013, vol. 62, no. 4, p. 373–386.
- Wojewodzka-Wiewiorska A., Dudek H. Dynamics of rural areas development in Poland – convergence analysis, *Research for Rural Development*, 2016, vol. 2, p. 99–105.
- Электронные источники
- База Венгерского центрального статистического офиса TIMEA. URL: <https://map.ksh.hu/timea/?locale=en> (дата обращения 01.03.2022).
- База данных показателей муниципальных образований Росстата. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения 20.03.2022).
- База данных показателей муниципальных образований: объединенные и обработанные данные за 2006–2020 гг. // Росстат; обработка: М.В. Веденьков, М.О. Комин, М.В. Цыганков, Инфраструктура научно-исследовательских данных. АНО «ЦПУР». URL: <http://data-in.ru/data-catalog/datasets/115/> (дата обращения 18.02.2022).
- База локальных данных Польши GUS BDL. URL: <https://bdl.stat.gov.pl/bdl/start/> (дата обращения 28.02.2022).
- База территориальной статистики Румынии TEMPO online. URL: <http://statistici.insse.ro:8077/tempo-online/> (дата обращения 03.03.2022).

Поступила в редакцию 17.02.2022

После доработки 25.04.2022

Принята к публикации 27.06.2022

TYPES OF RURAL AND URBAN TERRITORIES IN POLAND, HUNGARY, ROMANIA AND EUROPEAN RUSSIA

A. M. Ershov

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia, Master in Geography; e-mail: AlexiusErshov@ya.ru

Four post-socialist countries of Eastern Europe (Poland, Hungary, Romania and Russia) were comparatively analyzed in terms of the relative position and dynamics of different types of territories over a ten-year period from 2010 to 2020. The author develops methodological ideas about the usage of individual typology to create a socio-economic profile of a territory in order to identify spatial inequality of the countries under study upon socio-demographic, economic and infrastructural indicators. The results of the analysis allowed concluding about dominant trends of socio-economic differentiation between rural, urban and peri-urban zones. It was found that the intraregional spatial convergence is not an obligatory consequence of the socio-economic development of a country. The transformation processes which accompany the post-socialist transition led to the formation of different models of spatial socio-economic differentiation in each country, i. e. relatively balanced development in Poland, zonal development in Hungary and differentiated development in Romania and European Russia. The author suggests a concept of main stages and directions of the socio-economic differentiation of territories, which helps to systematize statistically-obtained conclusions.

Keywords: socio-economic differentiation, rural-urban continuum, spatial inequality, rural area, post-socialist period, Eastern Europe

Acknowledgements. The collection of database, the elaboration of methodology and the writing of the article were financially supported by the Russian Science Foundation (project no. 21-17-00112 “Transformation of various types of rural areas of Russia under the influence of internal and external factors in modern socio-economic and demographic conditions”).

REFERENCES

- Alekseev A.I., Zubarevich N.V. Krizis urbanizacii i sel'skaya mestnost' Rossii [The crisis of urbanization and the rural area of Russia], *Problemy prognozirovaniya*, 2000, no. 4, p. 138–146. (In Russian)
- Banski J. Spatial differences in the transformation processes taking place in rural areas of East-Central Europe // *Three Decades of Transformation in the East-Central European Countryside*, 2019, p. 3–19.
- Churski P., Herodowicz T., Konecka-Szydłowska B., Perdal R. Differentiation of the Socio-Economic Development of Poland – “Invisible” Historical Heritage, *Land*, 2021, vol. 10, no. 11, p. 12–47.
- Dachin A. Rural development-a basic condition for narrowing regional disparities in Romania, *Romanian Journal of Regional Science*, 2008, vol. 2, no. 2, p. 106–117.

- Ianos I., Petrișor A.-I., Zamfir D., Cercleux A.-L., Stoica I.-V., Talanga C. In search of a relevant index measuring territorial disparities in a transition country. Romania as a case study, *Die Erde – Journal of the Geographical Society of Berlin*, 2013, vol. 144, no. 1, p. 69–81.
- Kulcsar L.J., Bradatan C. The greying periphery – Ageing and community development in rural Romania and Bulgaria, *Europe-Asia Studies*, 2014, vol. 66, no. 5, p. 794–810.
- Lapin A.V. Teoretiko-metodologicheskie podhody k probleme social'no-ekonomicheskoy differenciacii territorij [Theoretical and methodological approaches to the problem of socio-economic differentiation of territories], *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*, 2017, no. 6, p. 109–124. (In Russian)
- Leibert T. The peripheralization of rural areas in post-socialist Central Europe: A case of fragmenting development? Lessons from rural Hungary, *Peripheralization*, 2013, p. 101–120.
- Lupinski W. Suburbanisation in Poland, *Geogr. Inf.* 2014, vol. 18, p. 104–113.
- Mahrova A.G., Nefyodova T.G., Trejvish A.I. Poliarizaciya prostranstva central'no-rossijskogo megalopolisa i mobil'nost' naseleniya [Polarization of space of the Central Russian megalopolis and the mobility of population], *Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 5, Geogr.*, 2016, no. 5, p. 77–85. (In Russian)
- Nefyodova T.G. Kostromskaya periferiya v fokuse problem periferijnyh rajonov Rossii // Severnoe selo: tradicii i innovacii [Kostroma periphery in the focus of the problems of peripheral regions of Russia], *Soobshchestvo professional'nyh sociologov*, 2010, p. 40–69. (In Russian)
- Nefyodova T.G. Szhatie i polarizaciya sel'skogo prostranstva Rossii [Compression and polarization of the rural space of Russia], *Weekly*, 2012, no. 507–508, p. 16–29. (In Russian)
- Penzes J. The dimensions of peripheral areas and their restructuring in Central Europe, *Hungarian geographical bulletin*, 2013, vol. 62, no. 4, p. 373–386.
- Trejvish A.I. [“Compression” of space: interpretation of the model] *Szhatie social'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya* [The compression of socio-economic space: new in the theory of regional development and the practice of its state regulation], 2010, p. 16–31. (In Russian)
- Trejvish A.I. Neravnomernost' i strukturnoe raznoobrazie prostranstvennogo razvitiya ekonomiki kak nauchnaya problema i rossijskaya real'nost' [The unevenness and structural diversity of the spatial development of economy as a scientific problem and Russian reality], *Prostranstvennaya ekonomika*, 2019, vol. 15, no. 4, p. 1–28. (In Russian)
- Wojewodzka-Wiewiorska A., Dudek H. Dynamics of rural areas development in Poland –convergence analysis, *Research for Rural Development*, 2016, vol. 2, p. 99–105.
- Zotova M.V., Kolosov V.A., Gritsenko A.A., Sebestov A.B., Karpenko M.S. Territorial'nye gradienty social'no-ekonomicheskogo razvitiya rossijskogo pogranich'ya [Territorial gradients of the socio-economic development of the Russian borderland], *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 2018, no. 5, p. 7–21. (In Russian)
- Web sources*
- Baza dannyh pokazatelej municipal'nyh obrazovanij Ross-tata [The Rosstat database of indicators for municipalities], URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (access date 20.03.2022).
- Baza dannyh pokazatelej municipal'nyh obrazovanij: ob"edinennye i obrabotannye dannye za 2006–2020 gg. [Database of municipal indicators: combined and processed data for 2006–2020], Rosstat, obrabotka M.V. Veden'kov, M.O. Komin, M.V. Cygankov, Infrastruktura nauchno-issledovatel'skih dannyh, ANO “CPUR”, URL: <http://data-in.ru/data-catalog/datasets/115/> (access date 18.02.2022).
- Baza lokal'nyh dannyh Pol'shi GUS BDL [Local database of Poland GUS BDL], URL: <https://bdl.stat.gov.pl/bdl/start/> (access date 28.02.2022).
- Baza territorial'noj statistiki Rumynii TEMPO online [Romanian Territorial Statistics Database TEMPO online], URL: <http://statistici.insse.ro:8077/tempo-online/> (access date 03.03.2022).
- Baza Vengerskogo central'nogo statisticheskogo ofisa TIMEA [Database of the Hungarian Central Statistical Office of TIMEA], URL: <https://map.ksh.hu/timea/?locale=en> (access date 01.03.2022).

Received 17.02.2022

Revised 25.04.2022

Accepted 27.06.2022